

П. Б. Струве.

ПЕТР БЕРНГАРДОВИЧ СТРУВЕ

«Петр Бернгардович Струве был одним из самых выдающихся русских умов истекшего полувека, одним из главных инициаторов всего умственного и общественного движения той эпохи» — так охарактеризовал «нашего» политехнического Струве один из выдающихся русских философов XIX века — С. Франк. Петр Бернгардович был «наш», так как тесно связал себя с нашим Институтом и вошел в нашу политехническую семью, как в Сосновке, так и в эмиграции — всеми любимый и уважаемый друг-учитель. Если П. Б. оказал столь крупное влияние на русскую культурную и умственную жизнь России, как об этом сказал Франк, то не меньшее влияние он оказал на научное развитие студентов-экономистов. Никто из среды преподавателей и профессоров Экономического Отделения не оставил после себя столько учеников, не создал такую обширную научную школу, как П. Б. И даже в тяжелых условиях эмиграции он продолжал эту творческую работу ваятеля научных экономистов. Многие из его учеников выдвинулись на разных поприщах экономической мысли и практики, как в дореволюционной России, так и в СССР до того момента, когда Сталин задумал научное экономическое творчество и арестовал ряд выдающихся экономистов-политехников (Юровский, Кондратьев, Якушкин, Коген-Бернштейн и др.).

Как редкое явление в академической жизни, П. Б. объединял вокруг себя не только студентов, но также многих профессоров и ученых, как экономистов, так и юристов, историков и социологов. По случаю 30-летия его научно-

публицистической деятельности, в 1925 г., в Праге, был издан сборник статей, в котором приняли участие 34 русских экономистов, статистиков, юристов, историков, философов и даже религиозных мыслителей.

Такое плодотворное и широкоохватывающее научное влияние П. Б. объясняется прежде всего личными качествами. Он обладал дарами выдающегося научного исследователя и мыслителя. Его память была феноменальна. Все то, что проходило через его руки навсегда запечатлевалось в его памяти. Помню какое на нас студентов произвело впечатление, когда на практических занятиях он указывал источники для работ. «Возьмите перепись населения Цейлона, произведенную в 1900 г., там много данных о профессиональном составе населения» говорил он одному студенту и тут же указывал на источник по другому вопросу: «О морском торговом мореплавании Англии в средние века имеется много интересных фактов в исследовании английского экономиста Оппенгейма, напечатанного в 1896 году».

Энциклопедические знания П. Б. были буквально безграничны. Казалось он мог говорить на любую научную тему и не как дилетант, а с известным основательным знанием вопроса. Как свидетельствует Франк, «П. Б. основательно, в мельчайших деталях, часто неизвестных лучшим специалистам, знал историю права государственного и гражданского, историю литературы многих европейских стран, и лингвистику, и историю научной мысли... В связи с изучением истории русской мысли, он основательно знал историю русского естествознания и русской математики». И всеми этими огромными знаниями он широко и щедро делился со всеми, кто соприкасался с ним.

Как человек действительно огромного ума и знаний, П. Б. не подавлял слушателей своим превосходством. С нами, скромными студентами, он беседовал как с равными, внимательно выслушивал наши соображения или замечания и затем, не указывая на их неосновательность или даже абсурдность, излагал свою точку зрения. Эти практические за-

нения были лабораторией экономического мышления. Казалось он находил особое удовольствие в таком общении с молодыми экономистами, по крайней мере, он никогда не показывал, что мы «надоели» ему, что он устал от наших ребяческих разговоров. Если не хватало установленного для занятий времени, он всегда охотно продолжал их где-нибудь в другом месте.

П. Б. не обладал даром речи, он не умел говорить гладко и свободно. Но его лекции были интересны своим глубоким смыслом, знанием предмета и блестящими афоризмами. В области создания афоризмов, на лекциях, в научно-публицистических статьях или в публичных выступлениях — он был непревзойденный мастер этого искусства. На его лекциях чувствовалось, что он не только говорит о том, что уже было известно раньше, но также о том, что ему пришлось в голову в самый момент изложения лекций. Он был блестящий импровизатор-мыслитель, не краснбай и реторик, а творец новых понятий, облеченных в ясную и четкую словесную форму.

Мне лично больше нравился такой лектор, часто искавший с каким то затруднением подходящего слова или термина, чем другой наш профессор, известный историк, речь которого так ровно журчала, что мы студенты должны были делать усилия, чтобы не заснуть под этот словесный поток.

П. Б. также учил нас, как нужно производить научно-исследовательскую работу. Обладая редким даром научной интуиции, он однако остерегался сам и внушал нам, студентам, не делать поспешных обобщений. Основую всякого научного труда должно быть детальное и критическое изучение фактического материала. Другим нашим профессором, который также настоятельно внушал нам тщательно изучать статистические данные и их источники, был В. Э. Ден, под руководством которого и П. Б. были написаны и затем напечатаны некоторые кандидатские работы студентов-экономистов.

Ограниченные размеры этой статьи не позволяют перечислить все печатные научные труды П. Б. В посмертном

издании книги П. Б. «Социальная и экономическая история России» список его научных трудов (книг, брошюр и статей) занимает несколько страниц.

Академическая деятельность П. Б. в нашем Институте началась с 1907 г. и продолжалась до октябрьского переворота. Начав свою работу в Институте, как преподаватель, П. Б. после сдачи в 1908 г. магистерского экзамена стал штатным доцентом, а с 1913 г., по защите магистерской диссертации «Хозяйство и Цена», — экстраординарным профессором. Наконец, в феврале 1917 г. он защитил докторскую диссертацию (вторая часть «Хозяйство и Цена») и стал нашим профессором по политической экономии. В 1917 г. он был избран членом Российской Академии Наук.

Революция прервала научно-преподавательскую деятельность П. Б. и он ее возобновил в Праге, где в 1922—25 гг. читал лекции на Русском Юридическом Факультете. Затем вновь произошел перерыв до 1928 г., когда он переехал в Белград и до 1940 г. читал лекции в Русском Научном Институте.

Творческая жизнь П. Б. не укладывалась в его научную и преподавательскую деятельность. По всей своей натуре П. Б. не был уравновешенным спокойным ученым или профессором, который, замкнувшись в свою келью, отказывался принимать участие в общественной жизни. Жизнь и политика тянули его к себе и благодаря этому он не имел времени всецело посвятить себя научной работе. Можно лишь догадываться до каких высот он мог бы подняться в научной области. Наверно, он стал бы всемирно известным экономистом. Но тогда Россия потеряла бы одного из своих талантливых научных публицистов и общественных деятелей.

Так произошло, что в России не было ни одного сколько-нибудь крупного политического или общественного движения, в котором не принял бы участие П. Б.

Духовный облик и характер П. Б. как ученого, так и общественного деятеля, можно было бы выразить тремя сло-

вами — он был: свобододолюбец, праводолюбец и народодолюбец.

Молодым человеком (24-летнего возраста) П. Б. напечатал публицистическо-экономическую книжку «Критические замечания по вопросу об экономическом развитии России», где он выступил, по его собственным словам «застрельщиком либерально-демократического и эволюционного марксизма». Эта книжка произвела в свое время большую сенсацию и особенно заключительная фраза ее: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Одновременно П. Б. стал одним из основателей русской социал-демократической партии (1898 г.), манифест которой он написал. Но в скором времени у него начались не только идейные, но и личные расхождения с Лениным (который оттолкнул его своим жестоким характером) и он перешел в либеральный лагерь. В 1902 г. он был избран в редакторы заграничного журнала «Освобождение», основанного при участии группы либеральных земцев. Возможно, этот журнал сыграл такую же роль в общественном движении в XX веке, какую герценовский «Колокол» в XIX веке. Но и в либеральном лагере П. Б. долго не пробыл. Когда началась русско-японская война, он выпустил номер журнала (без предварительного согласия земцев либералов), где рекомендовал студентам на демонстрациях выступить с лозунгом: «Да здравствует русская армия». Эта статья вызвала резкое порицание либералов и номер журнала тщательно истреблялся ими.

Как свобододолюбец, П. Б. в качестве редактора журнала «Освобождение» и члена «Союза Освобождения» стремился содействовать преобразованию старого режима России в конституционно-либеральный. Но он всегда был горячим и честным русским патриотом и в политической борьбе он отказывался пользоваться какими-либо сомнительными средствами. Во время войны с Японией некоторые революционные деятели не брезговали пользоваться финансовой поддержкой японских политических агентов. Но когда к П. Б. пришел

один английский журналист в сопровождении японского агента и предложил ему финансовую помощь в обмен за информацию из России, то П. Б. выгнал их со словами: «Это и глупо и подло».

Революционное движение в 1905 г. навело П. Б. на мысль, что такая бунтарская стихия может причинить огромный вред русскому государству и поэтому он старался открыть глаза общественным деятелям, что главная опасность грозит России не справа, а слева. Такая точка зрения находилась в полном противоречии со взглядами лидера к. д. партии Милюкова.

В 1907 г. П. Б. был избран в Государственную Думу от к. д. партии. В Думе его выступления были редки и незначительны, он больше работал в бюджетной и финансовой комиссиях. Когда между Думой и Столыпиным назрел острый конфликт, П. Б. принял сторону Столыпина. Он считал Столыпина настоящим государственным человеком и неоднократно виделся с ним. Когда Милюков отказался войти в правительство, П. Б. гневно воскликнул: «Это хищное властолюбие и политическая бездарность».

В 1907 г. П. Б. стал редактором журнала «Русская Мысль», используя его для своих политических выступлений. Он оставался редактором до 1917 г. и за эти годы в журнале было напечатано много блестящих по содержанию и по форме статей.

В 1909 г., вместе с Гершензоном, П. Б. издал сборник «Вехи», в котором разоблачил всю вредность антинациональной и антирелигиозной интеллигентской идеологии и выступил на защиту религиозно-философского мировоззрения, чем, конечно, навлек на себя гнев и нападки не только социалистов, но и либералов.

В 1911 г. он собрал свои публицистические статьи за пять лет и издал их сборником под вызывающим названием «Patriotica», чем еще больше восстановил против себя прогрессивные круги русского общества.

Во время войны 1914—17 гг. П. Б. был членом Правительственной Продовольственной Комиссии, а затем стал Председателем Комитета Блокады. По делам этого Комитета он посетил Англию, где прочел несколько лекций в Кембриджском Университете и удостоился получить от него звание почетного доктора экономических наук.

П. Б. болезненно и мучительно переживал назревший политический кризис, закончившийся февральской революцией. В этой революции он не принимал активного участия, но приветствовал ее, как торжество свободы. По предложению Милюкова, ставшего мин. ин. дел, П. Б. принял пост директора Экономического Департамента этого министерства, но почти сейчас же ушел вместе с Милюковым.

Февральская революция, превратившаяся в социально-политический хаос, оттолкнула П. Б. своим стихийно-бунтарским характером. Он не верил, что разбушевавшуюся революционную стихию можно было успокоить какими либо любовными речами, воззваниями и другими способами увещания. По его словам: «Уже в апреле 1917 г. мне стало ясно, что только создание абсолютно верного, государственно-крепкого ядра внутри самой армии может предотвратить крушение фронта и государства. Вместе с кн. Гр. Трубецким мы изложили это мнение кн. Львову и тогда же убедились, что проповедывали глухим ушам».

Тогда П. Б. принял участие в образовании группы, выдвигавшей на общественную сцену ген. Алексеева. По словам П. Б. «Алексеев рвался в бой» и если бы Временное Правительство обратилось к нему, то он организовал бы сопротивление большевистскому движению.

Позднее П. Б. так охарактеризовал Февральскую революцию: «Февральская революция не есть просто неудача, а именно — исторический выкидыш... И прославление этой революции есть либо вредное самообольщение, либо настоящий обман». Мне кажется более убийственного политического афоризма по адресу этой революции трудно сыскать в русской печати.

В декабре 1917 г. П. Б. покинул Петроград и пробрался в Новочеркасск. Там он принял участие в создании около генерала Алексеева военно-политической организации и по ее поручению тайком ездил в Москву, чтобы заручиться политической и финансовой помощью в анти-большевистских кругах. Он благополучно вернулся обратно на Юг России и стал одним из политических советников при вождях Добровольческой Армии, издавая газету «Великая Россия».

В феврале 1920 г. я встретил П. Б. в Новороссийске, накануне эвакуации Добровольческой Армии в Крым. Он дал мне новое, как всегда оригинальное объяснение происшедшего краха: «Не тыл разложил Армию, а Армия разложила тыл. Плохая организация и мобилизация без разбора — погубили Армию», так резюмировал он общее положение. На последнем заседании Общества «Великая Россия», где обсуждались шансы на возрождение Добр. Армии, П. Б. заявил, что все эти разговоры «метафизика» и высказался за необходимость из здоровых элементов Армии создать новую небольшую армию и довольно прозрачно намекнул, что это и произойдет в ближайшем времени. Действительно, из Новороссийска он направился с Врангелем в Крым. Оттуда он ездил по поручению Врангеля в Париж, чтобы добиться от Франции признания крымского правительства. Это удалось, но скоро под напором большевистских полчищ пришлось Армию эвакуировать в Галиполи.

После эвакуации Крыма П. Б. жил некоторое время в Югославии, затем переехал в Прагу, где отошел от политической работы. В 1925 г. он был вызван в Париж и в течение двух лет был редактором политической газеты «Возрождение». В 1927 г. у него произошел конфликт с издателем этой газеты и он переехал в Белград, откуда изредка посылал статьи в основанную им в Париже газету «Россия», а затем «Россия и Славянство». Изредка П. Б. приезжал в Париж для участия в общественно-политических съездах.

Политический облик П. Б. лучше всего обрисован им самим в выступлении на национальном съезде, кажется на Юге

России: «Если бы я поверил, что большевизм, хотя бы самым уродливым образом осуществлял какое-то национальное призвание, как-то поднимает и блюдет национальное лицо России, я, вот такой, каков я есмь, — индивидуалист, человек религиозный и фанатически любящий подлинный исторический образ России, — Петра Великого и Пушкина, этих мужественных выразителей русского национального духа, — я бы ни на минуту не призвал к гражданской войне».

Индивидуалистом и свободолобцем П. Б. был с ранней своей молодости до гробовой доски. Независимость его характера не позволяла ему долго засиживаться ни в какой политической партии. Его мятежный дух и врожденная склонность искать во всех отраслях общественной жизни и науки новых идей и разрешений проблем плохо уmeshались с партийной дисциплиной.

П. Б. был фанатически предан национальной Великой России и защищал ее, как бесстрашный рыцарь. Широкообразованный, долго живший за границей и хорошо знавший и высоко ценивший западную культуру, он, однако, оставался русским человеком по своему образу жизни, по привычкам, по любви к русскому народу и к его культурным ценностям. Он считал русский народ одаренным природою качествами великого народа и верил, что несмотря на все революционные потрясения этот народ выйдет на широкую национальную дорогу и создаст Великую Россию, Великую по своей военно-политической мощи и по культурности. Когда нибудь Великая Россия построит памятник Струве, этому горячему русскому патриоту и народолюбцу.

Чем дальше жил П. Б., тем больше он проникался религиозным настроением. В надгробном слове по покойнику, его друг, протоиерей Сергей Булгаков, сказал: «Мы вступили на общий путь, исходя из мрака безбожия... и мы одновременно — каждый по своему — его преодолели в искании живого Бога, на путях мысли, знания и веры... Одним из первых тобою было произнесено в печатном слове — Имя

Божие со страхом Божиим среди тех, кто привыкли к равнодушию и богохульству».

В стенах Института П. Б. был нашим наставником и воспитателем научного мышления. В эмиграции П. Б. всегда тесно объединял наши ряды, где бы он ни находился.

В последний раз я видел его за две-три недели до кончины. Помню крохотную мансардную комнатку с убогой обстановкой. Я пришел, чтобы послушать чтение его страниц из книги, над которой он работал — Экономическая история России. Но чтение не состоялось и я оказался наедине с П. Б. Он затронул тему о ближайшем крушении гитлеризма. Тогда я просил его дать научную оценку не только гитлеризма, но и фашизма во всемирном объеме. Когда-то он сам называл фашизм «всемирно-историческим значительным явлением» и по его мнению у Муссолини были шансы стать «творцом сильной государственной власти».

Моя научно-академическая оценка фашизма вызвала взрыв негодования П. Б. Он вскочил со стула и начал гневно обличать «преступную природу фашизма». Он не говорил, а кричал. Казалось он обращался не только ко мне, но к какой-то большой аудитории, где-то там, за стенами комнаты. В эту минуту этот величественный старец с большой развевающейся бородою и нервно жестикулирующий напомнил мне историческую фигуру протопопа Авакума или библейского пророка.

Да, до конца своих дней, П. Б. был русским пророком, правдолюбцем, смело обличающим «старорежимные» грехи правых, антигосударственную «метафизику» либералов, анти-национальную безбожную работу социалистов и фанатически-беззаветно любящим нашу Родину.